

ЛюБоль

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ульяна Соболева

18+

ЛюБоль

Ульяна Соболева

ЛюБоль

«Ульяна Соболева»

2022

Соболева У.

ЛюБоль / У. Соболева — «Ульяна Соболева», 2022 — (ЛюБоль)

Цыган Ману, чья нижняя часть лица всегда скрыта под черной полумаской, похищает дочь известного олигарха Лебединского и делает ее своей рабыней. За что он так люто ненавидит свою пленницу и ее отца? И за что так жестоко мстит? Между ним и семьей Лебединского есть тайна, которая уходит своими корнями в далекое прошлое. Оля боится и презирает своего похитителя, но ненависть и любовь часто сплетаются в смертельном танце и приносят с собой страдания и боль. Римейк Легенд о проклятых в Современный любовный роман.

© Соболева У., 2022

© Ульяна Соболева, 2022

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ульяна Соболева ЛюБоль

ЛюБоль
Ульяна Соболева

Аннотация

Цыган Ману, чья нижняя часть лица всегда скрыта под черной полумаской, похищает дочь известного олигарха Лебединского и делает ее своей рабыней. За что он так люто ненавидит свою пленницу и ее отца? И за что так жестоко мстит? Между ним и семьей Лебединского есть тайна, которая уходит своими корнями в далекое прошлое.

Оля боится и презирает своего похитителя, но ненависть и любовь часто сплетаются в смертельном танце и приносят с собой страдания и боль.

Глава 1

– Тебе не следует туда ехать, Оля. Чужая страна...пока нет отца, я бы не стал.

Отец Даниил сложил руки на груди. На толстых пальцах сверкали перстни, а он смотрел на дочь олигарха Лебединского. Она стояла у окна в черном платье, расшитом тонкой серебристой ниткой. Священнослужитель и думать не хотел, сколько могло стоить это платье. Ее ярко-рыжие почти красные волосы спускались ниже пояса, выгибаясь волнами и огненным пятном выделялись на черном фоне. Этот цвет волос вводил людей в ступор. Потому что это не краска. А настоящий цвет от рождения. Огненно-рыже-красный. Похожий на кровь. Дьявольский цвет. Отец Даниил считал, что такие волосы надо обривать наголо или всегда носить платок, но в современном мире женщины редко покрывают голову.

Отец Даниил крестил Ольгу, ей тогда было десять дней. Ее мать умерла при родах от кровотечения. Не помогли деньги мужа, не помогли связи, дорогая больница, лекарства, аппаратура. Он тогда еще перекрестился, увидев младенца с красными волосами, и подумал, что это происки нечистой силы. Женщину отпел как положено и мужа ее утешил. Несмотря на свое положение, власть, возможности, Олег Александрович Лебединский был верующим. Это не такая уж редкость среди олигархов на сегодняшний день. Модно ходить в церковь, давать детям старославянские имена, радеть за чистоту крови. Маленькую Олю отправили в огромный особняк в деревне, чтоб растить подальше от сплетен. Цвет ее волос вызывал много вопросов, несмотря на то, что тест ДНК показал, что она истинная дочь своего отца. Но когда у светловолосой женщины и светловолосого мужчины рождается огненно-рыжий ребенок, это вызывает вопросы.

Отец Даниил мечтал, видя, как Олег Александрович скрывает дочь, что рано или поздно Ольга примет постриг и останется в монастыре, что принесло бы невероятную прибыль самому священнослужителю и храму. Давно пора сделать ремонт, отстроить здесь все, установить новый колокол с золотым напылением, облагородить фрески, обзавестись исповедальней. Не простой, а обитой бархатом и расшитой золотом. Ну и...самому Даниилу не мешает сменить машину, приобрести более просторный дом и участок земли эдак в соток восемьдесят-сто. Не то, что у него...всего-то двадцать. Отец Даниил говорил с Олегом Александровичем о его дочери, но тот не торопился с решениями. Когда ей исполнилось восемнадцать, он решил выдать ее замуж за сына своего партнера по бизнесу Вячеслава Калужного, наследника огромной корпорации. Это сподвигло бы к слиянию двух компаний и появлению огромного концерна, которым бы управлял сам Лебединский. Прорыв на рынок черного золота в Африке – вот предел мечтаний миллионера, а чем больше денег у Лебединского, тем жирнее пирог на столе отца Даниила.

Олег Александрович не учел только одного, что слиянию двух корпораций будут не рады конкуренты и уберут наследника прямо во время свадьбы выстрелом в сердце. Не успев познать все радости супружеской жизни, сразу после венчания Ольга Олеговна стала вдовой и лакомым кусочком для церкви. Теперь-то уж точно можно уговорить ее отца на постриг.

Люди в окружении болтали, что все это цыганское проклятие, которое наслали на весь род Лебединского ромалы, чьи земли он тронул и выселил цыганский табор...не просто выселил, а пролил там немало крови, заставляя людей уйти и освободить место под строительство одного из филиалов. Говорят, старая цыганка прокляла его на крови своих детей и внуков...

Возможно, и была в этом доля правды, потому что наследника от своих сыновей Олег Александрович так и не смог получить. Старший женился на бесплодной, и за десять лет у них так и не родились дети...хотя, так же не рожали от него и многочисленные любовницы,

средний сын мужеложец, как теперь модно говорить – гей, а самый младший погиб в горах два дня назад. На границе, там, где как раз построен тот самый филиал.

Отец Даниил смотрел на девушку и не чувствовал по отношению к ней ни жалости, ни сострадания. Он был очень зол. Ему с трудом удавалось себя сдерживать. Ольга своенравная, дерзкая. Не захотела в монастырь после смерти мужа. Никогда не проявляла интереса к церкви, в отличие от ее отца.

Она лишила Даниила щедрого взноса Лебединского в казну храма, на который священник так рассчитывал. Лишила мечты о новом доме, о новом «мерседесе», о поездке по святым местам и покупке золотого креста размером во всю стену.

Надежда отца Даниила на то, что девка одумается и все же решится, таяла с каждым днем. Ничего... пусть оступится, пусть делает что-то такое, отчего Олег Александрович лишит ее всего. Рано или поздно с таким характером она нарвется. Лебединский деспот и тиран. Всех в своей семье держит в ежовых рукавицах.

Будь это в другие времена, он бы с радостью посмотрел, как красноволосую сучку вытащили бы на площадь совершенно голой и забили камнями.

– Я больше не останусь в деревне. Я пробыла здесь более чем достаточно. Как в тюрьме. Братья не против. Я поеду к границе и заберу тело Артема домой. Когда вся моя семья находится далеко, я единственная близкая родственница, и я хочу найти виновного. Хочу, чтобы враг был наказан за смерть моего брата.

Голос девушки звучал глухо...отец Даниил даже подумал, что она плачет. Но он слишком хорошо ее знал. Эта упрямая девка не проронит ни слезинки. Он действительно никогда не видел ее слез. Даже когда была ребенком.

– Отец говорил, что у него много врагов было всегда. Если кто-то захочет, то достанет меня где угодно и даже в этом захолустье.

– Я просто опасаюсь, что ты поедешь одна...А у семьи Лебединских полно врагов. Не стоит подвергать себя опасности! Артем погиб...его не вернуть! Я понимаю, как тебе больно, но...не стоит рисковать!

Девушка резко обернулась, и священник сдавленно выдохнул, когда увидел, как блестят ее красивые ярко-бирюзовые глаза. Ему понравился этот блеск. Он предшественник слез. Удовольствие растеклось по его телу приятными волнами, потянулось мурашками вдоль позвоночника. Пусть заплачет. Это будет красиво. Пусть покажет свою слабость маленькая, проклятая ведьма. Хотя бы раз. Один единственный раз, черт ее раздери.

Ольга была единственной женщиной, которую отец Даниил страстно ненавидел. Нет...не только потому, что она разрушила его планы по обогащению, и не только за то, что в ее присутствии его скукоженная и годами спящая плоть восставала, причиняя неудобства, он ненавидел ее за несколько ожогов на своих пальцах...после этого они утратили чувствительность. Отец Даниил не мог избавиться от навязчивых мыслей о дочери Лебединского. О ее голом теле, совсем юном...там в душевой кабинке в монастыре. Когда он со свечой в руках подглядывал, как она моется. Девушка намыливала тело, терла белоснежную кожу мочалкой, мыла себя между ног, и священник впервые в жизни испытал дичайшее сексуальное возбуждение, глядя на ее полную грудь с розовыми сосками, которая колыхалась в такт ее плавным движениям, глядя на длинные ноги, между которыми, он знал, его ждут врата чертовой бездны и сладкого разврата. Он произносил молитвы, ощущая, как под пальцами проносятся искры, и каждая вена в его собственном теле вибрирует от бешеной энергии, которая проходит сквозь него. Он схватился за пламя свечи...но кончики его пальцев были в масле и вспыхнули с адской силой. Он чудом сдержался, чтобы не заорать, бежал к себе в келью, смачивал руки в холодной воде, дул на них, но пальцы обгорели до мяса. А еще...под длинной позолоченной рясой на штанах священника осталось мокрое пятно от растекшейся спермы...когда он все же кончил, глядя на белоснежную женскую грудь, то именно в этот момент и сжег свои пальцы.

По ночам он хлестал себя по спине, чтобы унять отвратительные фантазии и грязные желания, которые лезли к нему в голову. Ему, могущественному и сильному, давшему обет безбрачия и испытавшему свой единственный оргазм, глядя на красноволосую дрянь. Это она виновата, проклятая ведьма. Она искушает его только одним своим видом. Напоминает ему о падении.

– Погиб? – Ольга сжала руки в кулаки и сильно побледнела, а ее глаза казались настолько яркими, что священнику захотелось их выцарапать, чтоб не соблазняла, – Человек, который посвятил себя горнолыжному спорту, просто взял и погиб? Он катался, как сам дьявол! Я в это никогда не поверю! Я думаю... что Артема убили!

– На все воля Господа! И не смей сравнивать Артема с дьяволом!

Девушка вздернула подбородок, продолжая смотреть в глаза священнослужителю с вызывающей дерзостью.

– После смерти моего брата Огнево теперь принадлежит мне. Я могу вступить в права наследия. Не стану ждать и минуты – завтра же выезжаю.

– Твой отец был бы против этой поездки.

– Мой отец был бы рад отправить меня подальше от своих глаз и одобрил её до своего отъезда, а сейчас он где-то в джунглях Африки заключает новые сделки и не отвечает на звонки... Разве не вы благословили его на эту поездку, уверенные в том, что будут найдены залежи нефти? Так что оставайтесь здесь, а мне нужно ехать туда и заняться похоронами моего брата. Никто другой этого теперь не сделает.

– В аэропорту к тебе присоединится отец Михаил. В горы вы можете отправиться вместе. Теперь в его распоряжении приход имени Святого Пантелеймона, как раз неподалеку от Огнево.

Девчонка дерзко усмехнулась, и на обеих ее щеках заиграли ямочки. Отцу Даниилу тут же захотелось оказаться в своей келье и начать неистово молиться, потому что у него зудели губы от желания касаться её кожи. Сколько женщин он перевидел за всю свою жизнь, но такую красивую не встречал никогда.

– Кого еще вы приставите ко мне, чтобы следить за каждым моим шагом, дожидаться, когда я оступлюсь, и сожрать меня? Почему вы считаете, что ко мне можно отправить кого-то в сопровождающие без моего согласия? Кто вам дал право считать себя уполномоченным лезть в мою жизнь?

– Что за оскорбления, Оленька? У твоего отца полно врагов, я лишь боюсь за тебя и... вообще там поговаривают о нечистой силе, о цыганах. Ты хрупкая девочка. Тебе опасно бродить по горам совершенно одной. Я всего лишь забочусь о тебе. А отцу Михаилу как раз нужно отправиться в местное святилище, и он составил бы тебе компанию.

– Я не просто девушка. Я – Ольга Лебединская. Я не трусливая овца, и со мной так же будет моя охрана. Зачем мне священник? Если вы все еще питаете иллюзии насчет пострига, я их разрушу – моя душа принадлежит только мне, как и мое сердце. Ими вы никогда не сможете распорядиться.

– Замолчи! Следи за словами и побойся гнева Господа! – воскликнул священник и возвел глаза к резному потолку, украшенному разноцветными стеклянными фресками.

– Мне давно уже нечего бояться. В этом мире я боюсь только смерти близких! Больше меня ничего не пугает, и я достаточно потеряла за последнее время, чтобы верить в вашего Бога и в его справедливость. Артем был таким юным и чистым... а его забрали у нас. Где она, справедливость? А нет ее и никогда не будет, пока кто-то жаждет власти и золота – другие будут умирать. А вы торгуете этим страхом и неплохо преуспели, ведь его легче всего продать.

– Дьявол вкладывает эти мерзости в твои уста! – крикнул священник и в ярости посмотрел на девушку.

– Мерзости? Неужели! Как красиво и по-старинному вычурно вы говорите, отец Даниил. Мерзость – это то, что вы творите во имя вашего Бога. Мерзость – это брать деньги за каждую молитву и сорокоуст, или молебен, или отпевание, мерзость – это затевать войну, где брат убивает брата... мерзость – это национализм, который вы разжигаете. Вот что мерзость! А слова – это всего лишь слова, увы, они не поразят ни одного из убийц Артема. И я не сомневаюсь в том, что его убили. Посылайте со мной кого угодно – хоть поезжайте сами. Мне все равно. Я собираюсь вступить в права владения шахтами и северным филиалом. Мне никто в этом не помешает. Даже вы. У меня на руках все документы. А вы никогда не дождетесь меня в своей обители жадности.

– Скажи спасибо, что мы с тобой одни, и тебя не настигнет кара за эти речи!

– Я скажу спасибо тем взносам, которые храм получает от моего отца. Но все же недостаточно, раз вам так хочется получить с меня еще больше. Не говорите мне о моей душе, когда вы осеняете себя крестным знамением пальцами, униженными перстнями, а под стенами вашего храма умирают голодные нищие, в то время как ваши свиньи едят отходы с обильных ужинов и обедов.

– Ольга Олеговна!

– Я никогда не приму постриг ради вашего обогащения – я лучше раздам золото со своего приданого голодным и нищим прихожанам вашего храма.

Священник стиснул пальцы так, что они захрустели, когда девушка прошла мимо него с прямой спиной и гордо поднятой головой, оставляя позади себя запах свежести и мыльного мыла.

Глава 2

– Куда мы едем? Что это за заросли? – спросил шепотом отец Михаил своего алтарника и посмотрел на их провожатого, который оглядывал скалистую местность близко к границе. – Разве дочка Лебединского не должна была появиться здесь еще пару часов назад?

– Ману работает на самого Олега Александровича и сопровождает нас, он прекрасно знает эти края. В Карпатских лесах можно легко заблудиться! – алтарник погладил короткую черную бородку, – И он единственный, кто может провести нас через лес и горы в рабочий городок к шахтам. Здесь развилка, которую я вижу в навигаторе, вон указатель. Мы должны молиться Создателю за то, что послал нам такого прекрасного проводника и заодно надежного охранника. Вы сами знаете, эти края дикие. Из-за тумана видимость плохая, думаю, скоро выйдем к дороге и там нас подберет машина Ольги Олеговны. Кто знал, что наш джип пробьет сразу оба колеса.

– Как он здесь оказался? У нас должен был быть свой сопровождающий, наш, а не этот... но нашего нет!

– Кто знает. Этот, не этот. Человек самого Лебединского. Нам повезло, что он оказался неподалеку, и как только я сообщил об аварии, пришел на помощь.

– Разве ты не говорил, что нет связи?

– Ну так я все равно отправил сообщение, значит оно дошло. А вообще в это время все заваливает снегом, и не проберешься. Огнево отрезало от автострады еще в первые дни снегопада, и теперь месяцев пять точно не пробраться. Так что проводник из местных, да еще и человек самого Лебединского – это дар Божий. Думаю, уже на окружной дороге нас ждет кортеж Ольги Олеговны.

– Угу...конечно. А то, что это место гиблое и о нем ходят всякие слухи, ты не знаешь? – отец Михаил осенил себя крестным знамением, – Как некстати погиб сын Лебединского. Горнолыжный спорт, соревнования, амбиции...совсем у молодежи ума нет. А нам отдувайся. Сидели бы сейчас у себя по домам, ужинали, к праздникам готовились, винцо попивали и на метель на дворе церкви смотрели только через толстые стекла окон.

– Ну, как говорят, там, где тонко там и рвется, отец Михаил. Вы совсем недавно приход получили в свое распоряжение и за Ольгой Олеговной теперь присматривать будете. А Лебединский и на приход пожертвует, и вас в обиде не оставит.

– Так-то оно так...только надо ли мне это в глуши такой? Приход можно было и в столице дать, а не отослать подальше. У меня такое впечатление, что это не Божья миссия, а призвание сдохнуть в этих адских местах.

На круглом, бородатом лице отца Михаила с носом картошкой и чуть приподнятой верхней губой, так, что открывались передние зубы, появилось выражение глубокой печали.

– Ну ничего, главное, добраться до места назначения. Нас теперь сопровождают, так что есть все шансы через пару часов встретить Лебединскую и сопроводить в Огнево.

– Сопровождают? Да он внушает мне ужас. Похож на самого черта! Он и это проклятое место. От него мурашки по всему телу. – очень тихо прошептал отец Михаил, поднял повыше воротник зимнего пуховика, подбитого овечьим мехом. Священник поправил толстыми пальцами жидкие, мокрые волосы, прилипшие ко лбу, и посмотрел на своего алтарника, который не сводил взгляда с проводника, возвышающегося над обрывом.

Справа от мужчины в черной одежде виднелся старый деревянный столб с тремя указателями, привязанными цепками. Их концы свисали вниз и противно скрипели от порывов ветра. Над макушками деревьев кружили вороны. Они громко каркали, и звук терялся эхом

вдалеке, навевая тоску и мысли о смерти. Отец Михаил снова поморщился от холода и спрятал руки в карманы своего пальто, продолжая вместе с алтарником рассматривать проводника.

Одет в черное пальто до колен с низким капюшоном, наброшенным на голову. Он очень высокий, поджарый, ноги сильные, накачанные. Высокие кожаные сапоги поблескивают от влаги и от выходящего из-за туч тусклого солнца, которое немного рассеивает туман.

– Говорят, Ману родился в этих местах, когда здесь еще не было шахт, и Огнево населял цыганский табор, и всем заправлял цыганский барон Алмазов, – послышался голос алтарника.

– Вор, наркоторговец, приверженец дьявола. Тьфу! Пусть он горит в вечном пекле! Цыгане – это рабское племя! Воры, фальшивомонетчики, конокрады! Испокон веков их гнали отовсюду взашей. Хуже еврея может быть только цыган! Как можно ему было доверить сопровождать нас? И вообще... как он может быть человеком Лебединского?

– Олег Александрович, когда взял власть в свои руки и полностью отстроил Огнево после пожара, наладил мир с цыганами. Они в обмен на нормальную жизнь и свободу покинули эти места, а кто-то стал верным слугой Лебединского. Ману давно не живет с табором. Ну и скажите спасибо. Благодаря ему на нас не напали кочевые ублюдки, промышляющие разбоем в этом лесу. Черт их раздери тварей.

– Не ругайся! Вот я и говорю, что цыгане мерзкое отродье и все их кланы! Откуда только взялись на севере. – отец Михаил повел плечами, вспоминая, как на них напал отряд негодяев. Они могли их оставить в одних трусах, а то и без трусов, обобрав до нитки. И это в лучшем случае. В худшем – кочевые вполне могли избавиться от путников и закопать под снег. Нашли бы не скоро, а только весной.

– Зимой всегда голод, и все твари становятся опасны. Мы неплохая добыча для кочевых цыган. Ману послал сам Бог, иначе вспороли бы нам сейчас ножами животы и забрали деньги и золото с иконами.

Отец Михаил поежился и снова перевел взгляд на проводника. Тот продолжал стоять у края оврага. Сизые облака окрасились в насыщенный малиновый цвет заката, и мужчина походил на изваяние из черного камня.

– Для человека Лебединского не слишком ли он молод?

– Я бы не сказал, что он молод. Для их брата возраст – это роскошь. Мало кто доживает до глубокой старости.

– Почему он в маске?

– Никто не видел его без нее. И не осмелился бы. Ману опасный человек. Самый жестокий и кровожадный из всех, кого я знал. Поговаривают, что он служил наемником в горячих точках... да и много чего поговаривают. Не наше это дело. Главное, до места назначения добраться.

– Что с его лицом?

– Говорят, когда-то, когда он был еще подростком, кто-то посмеялся над ним и разрезал пацану рот от уха до уха. Как у Гуинплена Гюго. Помните? Человек, который смеется? Но это могут быть просто слухи.

– Понятно. Урод, недоносок с кривой рожей, обозленный на весь мир и на нас в том числе.

В ту же секунду проводник-цыган обернулся, и священник вздрогнул от ужаса. Возникло ощущение, что он мог их слышать.

Над черной маской, закрывающей его лицо снизу до половины, виднелись пронзительные угольно черные глаза. Холодные, страшные, как две черные ямы.

Глаза либо безумца, либо мертвеца – пустые, и в то же время наполненные насыщенным мраком. Отец Михаил поежился и отвел взгляд.

Он вспомнил, как испугались его кочевые. Как что-то болтали на своем языке и отступали. В их глазах отчетливо виднелся страх. При столкновении двоих он застрелил. Свои их не забрали... и отец Михаил никогда не забудет жуткого зрелища, как проводник начал танцевать. Очень странный танец, похожий на полет ворона над мертвой добычей.

– Это танец смерти. В клане Ману его исполняют еще с давних времен. Это Карпаты. Здесь все по-другому... свои обычаи и законы.

Так сказал алтарник священнику, пока тот в ужасе смотрел на жуткое зрелище, а позже произнес молитвы и проводил души усопших в мир иной. Какими бы грешниками они ни были, а молитва нужна. На то он и помазанник Божий.

Ману подошел к священникам, поправил капюшон пальто.

– Их машины должны прибыть с юга. Если ожидать здесь, то мы непременно с ними пересечемся. Они будут проезжать мимо в любом случае. Другой дороги в Огнево нет.

– И машины смогут здесь проехать?

– Смогут, если знать куда ехать.

– Может, лучше повернуть назад до ближайшего города? Или деревни?

– Уже поздно назад. Все дороги занесло. Позади нас ураган. Так что потом поедem через лес, я знаю куда. Там не рыскают даже дикие звери.

Отец Михаил судорожно сглотнул слюну.

– И что не так с дорогой через лес, что там и звери не рыскают?

– Говорят, в этом лесу бродят души невинно убитых нашим дорогим Лебединским, цыган. Их не похоронили. Сожгли в лесу вместе с лошадьми, машинами, шатрами. – зловеще сказал Ману, продолжая сверлить отца Михаила взглядом своих черных глаз, и от этого пронизывающего взора у священника по всему телу расплзлись мурашки. – Десятки мертвых тел. Старики, изнасилованные женщины и девочки, кастрированные и замученные мужчины, младенцы, сгоревшие заживо...

– Здесь был рассадник ереси, рассадник преступлений, воровства, наркоторговли. Я уже молчу про ворованных детей, попрошайничество, всякие сатанинские гадания и обирание несчастных людей. Лебединский освободил это место, зачистил его, превратил в процветающий поселок городского типа, открыл шахты. А вся нечисть... вся нечисть получила деньги и ушла отсюда вместе со своими шатрами. Так что не нужно тут рассказывать лживые истории про невинно убиенных младенцев.

– Ну значит это не души, а сам дьявол бродит по этому лесу. Ваши молитвы непременно вас защитят, отец Михаил.

Проводник усмехнулся, но эту усмешку никто не увидел, только глаза стали немного уже, и у отца Михаила от глухого смеха цыгана по всему телу встали волосы

– Мы разве не можем идти другой дорогой?

– Неужели вы суеверны? Разве суеверие – это не грех? И священнослужители не призваны спасать мир от нечистой силы?

Дерзкое цыганское отродье. Но придется проглотить, иначе с Ольгой ему так и не встретиться, и в Огнево он не доберется.

Хотя, зачем лгать – он попросту боится этого жуткого психа, от которого веет смертью, но также боится и продолжать дорогу один в сопровождении алтарника, совершенно не зная здешних мест и потеряв любую связь с цивилизацией и проводником, который должен был с ними встретиться, но так и не объявился.

– Я не суеверен, а ты много болтаешь, цыган.

Ману резко подался вперед, и отец Михаил тут же дернулся назад, вжимая голову в плечи.

– Кто сопровождает дочь Лебединского?

– Охрана. Самые лучшие люди. Насколько мне известно.

– Ясно.

Ману повернулся к своим людям, натягивая капюшон на лицо.

– Не думаю, что они смогли перебраться через Затоку. Метель была слишком сильной. Подозреваю, что они пошли пешком так же, как и мы, и бросили машины, поэтому их так долго нет. Оставайтесь здесь с отцом Михаилом и его скарбом, а я пойду навстречу дочери Лебединского.

Глава 3

Десять лет назад

Забор был очень высоким. Кирпичным. Кладка аккуратная, стройная. Кирпичик к кирпичику. Даже по самой кладке видно, каких денег стоила сама работа и великолепный кирпич, выкрашенный в бежевый цвет. Через каждый пролет возвышается колонна со шпилем в виде креста на конце. Ни для кого не секрет, что владелец шикарного поместья, которое находилось за забором верующий и невероятно богатый человек, известный не только в городе, но и во всей области – Олег Александрович Лебединский.

Я поднял руку и заслонил глаза от слепящего солнца, чуть выше над заповедником кружился коршун.

Тот самый, который убил мою добычу – бурого кролика, и взмыл с ним вверх, а потом разжал когти, и жертва, упав на острые камни, разорвалась на части. Я знал, что птица хочет спуститься и полакомиться убитым кроликом, но именно я ей мешаю это сделать, так как стою у разорванной тушки и внимательно наблюдаю за вором. Мне интересен ход его мыслей, он ведь не собирается отступить, а я не собираюсь отдать ему то, что осталось от его жертвы. Я – Ману, мое имя означает Дьявол, и я сын цыганского барона. Который, возможно, намного богаче этого расфуфыренного попугая Лебединского.

– Ману! Не надо! Не ходи туда! Ты же знаешь, нам нельзя приближаться к их дому! Ману!

Я не оборачивался на окрик сестры, я смотрел на коршуна, похожего на черную огромную кляксу на фоне малинового заката. Птица спикировала вниз, а потом снова взмыла вверх. Хитрая тварь. Хочет все же напасть на кролика.

– Ману! Ты все равно не убьешь его! А нас заметит охрана!

Засмеялся, тряхнув густой шевелюрой, откидывая волосы назад. Дея маленькая и наивная, она не верит, что я попаду в коршуна с такого расстояния и снесу ему башку. Я прекрасно стреляю. Отец лично позаботился о том, чтобы я был лучшим во всем, что касается охоты, рыбалки, спорта, стрельбы. Да всего абсолютно. Когда ты, априори, низшее существо только потому, что родился цыганом, евреем, армянином, то стараешься доказать всем этим сверххам, что ты не просто такой же, а намного лучше их. Умнее, проворнее, сильнее.

Птица кружила над стеной и не улетала, словно дразнила меня, то снижаясь, то набирая высоту. Я прицелился, каждый мускул превратился в камень, и я на несколько секунд мысленно сам взлетел в небо, словно стал этим коршуном, расправившим крылья и кружащим над своей добычей. МОЕЙ ДОБЫЧЕЙ. Которую он убил, и этим испортил мне охоту. Нажал спусковой крючок, заставив пальцы онеметь от напряжения, я услышал, как засвистела выпущенная пуля, и увидел, как она взмыла ввысь. Отдача рубанула по плечу. Дея вскрикнула, когда сраженный коршун камнем полетел на землю и упал неподалеку от забора. Я бросился к нему, перепрыгивая через острые камни. Подошел к несчастной птице, которая конвульсивно вздрагивала...еще живая. Я не чувствовал жалости, только триумф и презрение. Триумф – потому что смог его подстрелить, а презрение – потому что он позволил себя подстрелить. Черные глаза коршуна, казалось, сверлят меня насквозь ненавистью. Я наклонился, глядя, как коршун подергивает лапами, подыхая.

– Никогда не бери то, что не принадлежит тебе, – сказал я птице и повернулся к сестре, она махала мне рукой, – за это приходится дорого платить. Всегда.

– Ману! Они заметят тебя!

Словно в ответ на её слова послышались громкие голоса, к нам приближалась охрана. Я бросился бежать вдоль забора, а Дея спряталась в гуще деревьев.

Отдаляясь от погони, спустился к воде и застыл, забыв о том, что за мной гонятся. На том берегу реки я увидел девочку, и меня пригвоздило к месту.

Наверное, всё дело в её волосах, они завораживали, бордово-красные, развевались на ветру, как кровавое знамя, и окутывали гибкое девичье тело густым покрывалом. Девчонка, наверняка, думала, что её никто не видит, она что-то напевала тонким голосом и окунала в воду стройную, обнаженную до бедра ногу. Какая ослепительно белая у неё кожа! Отливающая перламутром, она контрастирует с ярко-зеленым купальником. Я судорожно сглотнул и сжал челюсти.

Меня парализовало, даже в горле пересохло, когда она встала на камнях в полный рост. Нас разделяло несколько метров бурлящих вод, но мне был хорошо виден каждый изгиб стройного тела. Идеальная, совершенная и каким-то невероятным, непостижимым образом настоящая. Смотрел на её лицо, и мне казалось, что я слепну.

Бирюзовые глаза девчонки в удивлении широко распахнулись, когда она заметила меня. Слишком красивая. Никогда раньше не видел таких. Не похожа на темноволосых и смуглых цыганских женщин, к которым я привык. Не то, чтобы других не видел, когда учился... видел. Просто она не такая.

Время остановилось, застыло там, где горизонт пожирал солнце, и оно, умирая, окрашивало небо в ярко-красный, как волосы девчонки, цвет. Она не уходила, смотрела, а потом улыбнулась, и я вздрогнул. Меня затягивало в эти яркие глаза, в эту улыбку, как в болото. Где-то в глубине сознания я понимал, что она по другую сторону и там останется навсегда. Нас разделяют не только воды этой реки, а пропасть, самая настоящая бездна, которая только может пролечь между цыганом и городской, белой девчонкой. Это и есть болото, от меня зависит ступить в него или обойти. Обойти? Черта с два. В грязь и захлебнуться, но попытаться доплыть до неё. Потому что я так хочу. Ману Алмазов никогда и ни в чем себе не отказывает!

Тогда я даже не думал, что через месяц не смогу себе представить хотя бы один день без нее, а через полгода готов буду убивать любого, кто мне помешает быть с ней, что буду жить нашими встречами и мечтать прикоснуться к её волосам хотя бы кончиками пальцев. Но едва пытался приблизиться – девчонка пятилась к забору, и я останавливался, боялся, что она уйдет. Да, я, б*ядь, боялся, что никогда не увижу её, а это было невозможно. Потому что знал – она мне необходима, как воздух или вода. Чувствовал зависимость, как от наркоты. Героина или кокаина... только тут подсел даже не с дозы, а просто увидел, сука, и я уже там. Уже в каком-то нереальном пекле.

Я не спал ночами, снова и снова пробираясь к реке, следил, как одержимый, за воротами. Я хотел знать, кто она, как зовут, почему живет в Карпатах неподалеку от Огнево... где расположились цыганские поместья. Неподалеку от границы, в глуши. Где кроме церкви, леса и цыганского табора с глухими деревеньками и нет ничего. Никакой цивилизации.

Я хотел приблизиться к ней... Хотел и понимал, что это невозможно, потому что девчонка по ту сторону двух миров, и в любой момент может начаться бойня с гаджо*(так цыгане называют чужаков, не имеющих кровного отношения к ромалам).

С Лебединским, возмнившим себя местным царьком и стремящимся выжить нас из наших домов, потому что неподалеку находятся соляные шахты, а также рядом с ними граничит его лесопилка... которую он хочет расширить, а мы, ромалы, ему мешаем.

Я дал ей имя. Шукар. Красивая. На цыганском. Близко к сахарной на ее языке. У меня дома говорили на двух языках. На нашем родном и на том, что понимала эта красноволосая девчонка.

Она приходила вместе со мной, иногда уже ждала там, а иногда ждал её я и сжимал в ярости кулаки, если ждать приходилось слишком долго, но она всегда приходила. Мы не сказали

друг другу ни слова за несколько месяцев, и я даже не знал её имени, но мне было наплевать. Смотрел и понимал, что нахрен не нужны слова – мне бы волос её коснуться, зарыться в них пальцами и в глаза вблизи посмотреть. Утонуть на их глубине с камнем на шее весом в мою непонятную одержимость. Возвращался домой и есть не мог, кусок в горло не лез. На шлюх не смотрел, девок гнал. Иногда драл остервенело, слышал, как орет подо мной, а сам кайфа не получал. Кончал, а перед глазами она, и от понимания, что с ней – никогда, быть волком хотелось. Ни одна на неё не похожа. Ни у одной нет таких волос и таких глаз. Ни у наших, ни у этих... чужих. Нет такой, как моя Шукар. Но моей она никогда не станет. И вражда между нами лежит многовековая. Моей красноволосая и такая чистенькая, белая девочка никогда не станет. Не дадут ей с грязным цыганом. А мои... мои никогда не впустят ее в нашу семью. Разве что в табор. Но она сгинет там от таборной жизни. Да и не пойдет никогда. Кто я, и кто она. Сколько бы золота и денег не было у моего отца, между нами всегда будет адская пропасть.

– Опять к белой своей сучке ходил? – спрашивала Дея и хмурила густые черные брови.

– Ходил, – мрачно отвечал я, вспоминая, как девчонка снова пятилась к забору, когда я ступал в воды реки в жалкой надежде приблизиться. Зачем приходит ко мне, если боится? Можно подумать, для меня проблема переплыть три метра, чтобы добраться до нее. Если я захочу, меня не остановит ни один охранник в ее гребаном каменном мешке. Но мне было мало хотеть – мне было нужно, чтобы она хотела.

– Надо отцу рассказать, где ты лазишь по вечерам. Пусть высыплет тебе ремня или поколотит так, чтоб в синяках весь ходил. Мы не приближаемся к домам гаджо. Особенно к дому этого упыря.

Дея прицелилась и запустила нож так, что острие попало прямо в центр мишени, выпрямилась, откинув толстую косу за плечо и триумфально опустила руку.

– Сукой чтоб больше ее не называла. А я не мальчишка уже, чтоб ремня от отца получать. Так ты брата любишь, да? Я ей тощий зад прикрываю, а она меня отцу заложить хочет?

– Потому что люблю. Страшно мне, брат. Ведьма она! У них тоже ведьмы бывают! Пострашнее наших! Волосы у нее кровавые, и значит, ведьма. Я к Лоле ходила. Она карты разложила и будущее твое мне предсказала. Девка эта... она тебя уничтожит! Она змея! А может, и всех наших уничтожит! Не ходи туда, Ману. Забудь про нее. Вот на наших женись. Мирела на тебя смотрит, глаз не сводит. Она сильная, грудастая. Она тебе много сыновей родит... а не эта с глазами, как у кошки, и каменным сердцем. Они же... их бабы, они такие. Продажные, шлюховатые. Зачем она тебе?

Я отобрал у Деи нож и сам, прицелившись, метнул, попал так, что выбил ее кинжал, а мой встрял ровно на то же место. Опустил руку.

– Не лезь в это, Дея. Просто не лезь.

– Не лезь! Это ты мне говоришь? Ты себя со стороны не видишь. Ты как сумасшедший! Ты только ночи ждешь и к суке этой бежишь! Чем она тебя приворожила? Может, к кому-то из наших ходила?

– К Лоле не смей ходить... с таборными не водись. Они нам не друзья.

– Точно приворожила!

Глава 4

А потом впервые прикоснулся к ней и понял, что смотреть было ничтожно мало в сравнении с тем, что попробовал сейчас. Ее волосы на ощупь именно такие, как я представлял – нежнее шелка, а глаза еще ярче вблизи. Море в них. Адская бездна, сочная и опасная. Она странная такая – ресницы мои трогала кончиками пальцев, а мне, б*ядь, казалось, что это она душу дразнит. Осторожно, нежно, прикусив нижнюю губу и тяжело дыша, словно всегда мечтала делать именно это – касаться моих ресниц. Сказала что-то, а я за губами слежу, и мне внутренности в узел стягивает от бешеного желания наброситься на её рот и сминать его губами, чтоб капельки крови выступили от нашей одержимости друг другом. Руку мне на грудь положила, и я чувствую, как сердце ломает ребра и бросается в ее ладонь словно бешеное.

Она по губам моим пальцем проводит, а меня то в жар, то в холод, и дикость по нарастающей, как пружина, сжатая в спираль, закручивается.

Чем больше касался, тем сильнее пальцы ломало от желания под кожу ей влезть, проникнуть в неё, и я проникал языком в её рот, в ямочки на щеках, в ушко, нашептывая, какая она сладкая и горькая. Смотрел в глаза, видел, как они закатываются от наслаждения, слышал, как шепчет мне на своем языке, и пожирал ее шепот, жадно задирая тонкое платье, скользя голодно по бедрам, сминая кожу. Такая нежная и бесстыжая: то отталкивает, то сама руки мои к себе на грудь кладет и трется сосками о ладони, а я, одичавший от похоти, готов ради неё с обрыва вниз на камни, только бы смотрела вот так и шептала губами искусанными, перехватывала запястья мои, когда гладил между ног, умоляя позволить, а потом, когда переставала содрогаться в моих руках, пальцы облизывал и ей давал попробовать, какая она совершенная во всем. Оседает послекусием на зубах, на теле так, что запах её еще сутками чувствую и от счастья уносит. Я себе её хотел. Навсегда хотел. Женой моей. Только моей. Плевать, кто она: славянка, ведьма, дочка олигарха. Я сын цыганского барона и могу все к её ногам бросить. Деньги, золото, драгоценности, дом, машины, меха. Да все, б*ядь.

И понимал, что несбыточно это, и она, видать, понимала. Иногда уходил, а она за руку держит, не отпускает, и в глазах морская гладь темнеет, как в ураган. Я не брал её, ласкал, дразнил, сам выл от бешеного желания, но не брал. Хотел. Видит дьявол, я мечтал об этом, но я берег, слишком обезумел, чтобы испортить то, что уже начал считать своим. Потому что потом, когда женой своей сделаю, своим надо будет показывать, что невеста честная. Не то брак будет недействительным. Так я ее любил. Чтоб никто не смел слово о ней гадское сказать.

Время вражды с Лебединским вроде бы окончилось. Отец на встрече с ним был и принес хорошую новость: Олег Александрович пообещал разобраться с властями насчет земли, а в обмен на это мы позволим ему расширить лесопилку на нашей территории. Но для этого таборные должны уйти из леса к югу, освободить место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.